

Легенда Нины Тимофеевой

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

В субботу Иерусалим казался вымершим.

В маленьком ресторанчике, чудом найденном среди закрытых кафе, мы разговаривали с Ниной Тимофеевой.

Балерина дебютировала на сцене Ленинградского театра оперы и балета имени Кирова, выходила Машей в «Щелкунчике», Одеттой и Одиллией в «Лебедином озере», а в 1956 году перешла в Большой театр. На его сцене она танцевала тридцать два года. Ее считали холодноватой, и «полупризнание» долго преследовало ее. Спрятанный от постороннего глаза драматизм наделял ее искусство остротой, в нем отчетливо просвечивала современность. В балете Лавровского «Ночной город» на музыку Бартока Тимофеева танцевала Девушку, поражая эксцентричностью пластики. Экспрессия музыки Бартока совпадала с редкой индивидуальностью балерины.

Мехменэ-Бану в балете Григоровича «Легенда о любви» изумляла дьявольской энергией. Технические возможности Тимофеевой казались беспредельными. В «Спартаке» она была лучшей Эгиной. О виртуозности ее танца, ее «головоломных трюках» в балетном мире слагались легенды. За его пределами она была скромна. Природный ум, такт и культура берегли ее, она не суежилась, а работала и очень много танцевала. Когда Васильев ставил балет на музыку Молчанова «Макбет», Тимофеева танцевала леди Макбет.

В балетах современной мысли ей было легко, что не мешало ей танцевать «Лебединое озеро», «Жизель», «Дон-Кихота», Персиду в «Хованщине» (партия, не существующая в новой редакции оперы). Тимофеева давно усвоила, что главное в жизни — суметь осуществить замыслы, и некого винить в том, что ее искусство по своей природе резко конфликтно. Из «Лебединого» она творила трагедию, в трех лучших балетах Григоровича — «Каменный цветок», «Спартак» и «Легенда о любви» — воплотила женскую судьбу со всеми ее страстями. Эту тему она проносила и в балетах Виноградова, когда танцевала «Асель» на слабую музыку Власова, и Джульетту в спектакле Новосибирского театра оперы и балета. Виноградовское «Ромео и Джульетта» показывали в Москве на сцене

ИТАР-ТАСС

Большого театра. Столько лет прошло, а память хранит отрешенное лицо тимофеевской Джульетты и ее скрытое своеволие.

Теперь она не вспоминает свое блистательное прошлое. Кончив танцевать, Тимофеева занялась репетиторской работой в Большом театре, а потом подписала контракт и уехала в Израиль. Сегодня она мечтает создать труппу классического танца в Иерусалиме. Ее «девочки» в консерватории, где она преподает на хореографическом отделении, начинали с азов. Вместе с дочерью Надей, балериной и помощницей, она учит, ставит номера, пробует одноактные балеты, шьет костюмы, звонит в Москву с просьбой выслать балетные туфли — в Иерусалиме их нет. У нее усталое, но вдохновенное лицо человека, много пережившего и передумавшего. Мы говорили об Улановой. Тимофеева многому у нее научилась, дружила с ней и любит ее по-прежнему. Говорили о Григоровиче, его таланте, его ошибках, его неуступчивости. О Васильеве, о трудностях, которые он взвалил на себя, об изменении стиля жизни, о том, как поубавилось тонкости, душевного тепла, тревог за чужие судьбы.

За окном темно, а мне не хотелось расставаться с этой женщиной, как бы познавшей сокровенный смысл жизни. Она природно сдержанна, но полна скрытого огня и одержима делом, которое нашла в древнем и вечно прекрасном Иерусалиме.

Виталий ВУЛЬФ